

Умелые руки

Он вышел из дома. Потом зашагал травяным ковром деревенской улицы, завернул в переулок, откуда начиналась дорога на Фонино. Пройдя по ней шагов с полсотни, Иван Дмитриевич Петухов обернулся — в лицо ему глянули фасады двух аккуратно обшитых тёсом домов: один зелёный с бело-синими наличниками, другой — коричневатый с такого же цвета верандой.

Каждый день ходит Иван Дмитриевич этой дорогой и всё не нарадуется, как принарядилось за последние годы его родное Воронкино!

Он любит свою деревню. И немудрено — ведь родился тут и прожил, можно сказать, всю жизнь. Только однажды расстался с родным домом на целые четыре года. Вот по этой же самой дороге уходил он тогда с котомкой, наспех собранной женой. Было это 22 июня сорок первого года, в первый день войны...

В составе гвардейской зенитной части Иван Дмитриевич оборонял Москву. Немало фашистских стервятников повергла на землю батарея, в одном из расчётов которой он действовал. Руки хлебороба пахли тогда пороховой гарью.

В битве за Берлин ефрейтор Петухов командовал расчётом крупнокалиберных зенитных пулемётов. В апреле сорок пятого после очередного броска его батарея расположилась на опушке рощи. Расчёт Петухова первым изготовился к бою и спас жизнь многим. Из-за кромки леса, едва не задевая верхушки елей, вынырнул вдруг «мессершмитт». Он нёсся прямо на батарею. Иван Дмитриевич бросился к своему пулемёту, рывком повернул его ствол навстречу самолёту. Разноцветные нити трассирующих пуль впелись в самый нос «мессершмитта», насквозь прошли кабину. Самолёт, объятый пламенем, рухнул на землю почти рядом с окопами советских солдат.

И сегодня по-солдатски прямой, твёрдой походкой шагает Иван Дмитриевич мимо поля, шумящего овсом. Путь его лежит на сушильный ток. Как-то, давно уже, вызвал его к себе председатель колхоза Дмитрий Дмитриевич Степанов:

— На сушилке у нас образовался прорыв, — сказал он Петухову, — одного из сушильщиков пришлось отстранить от работы. Выпивает. Придётся, Иван Дмитриевич, тебе браться.

— Да справлюсь ли? Дело мне мало знакомо.

— Справитесь, Иван Дмитриевич, — вступала в разговор секретарь партийной организации Нина Алексеевна Пантелеева. — Должны справиться — вы коммунист.

Такие вот неожиданные поручения Ивану Дмитриевичу выполнять не впервые. Так же было, когда колхоз несколько лет назад принимался за строительство. До той поры Иван Дмитриевич плотницкого или столярного опыта не имел вовсе. А тут предстояло сооружать новые коровники, склады, навесы.

— Ты коммунист, — сказали ему тогда.

И теперь, куда ни глянь, всюду видны новые постройки. Добротные. В каждой — его труд. И этот навес, крытый белым шифером, под которым разместился сушильный ток, тоже появился не без участия Петухова.

Серебристые барабаны спаренных сушилок вращаются день и ночь. И непрерывно пересыпается из одного в другой зерно. Каждая сушилка снимает до четырёх процентов влажности. Стало быть, пройдя сквозь оба агрегата, зерно теряет влажности ровно столько, сколько нужно. Забота дежурного сушильщика в том и состоит, чтобы поддерживать заданный режим, следить, чтобы температура не опускалась и не поднималась даже на полградуса.

Приняв вахту у своего сменщика Ивана Арефьевича Ярилова, Петухов подходит к первой сушилке. Смахнув ладонью пыль с термометра, вглядывается в его деления. Всё в порядке.

Иван Дмитриевич оборачивается, подзывает дежурного электрика Владимира Ивановича Блиненкова.

— Давай, друже, перебросим ворох овса поближе к сушилке.

А в ворохе этом не один десяток тонн зерна. Как же справиться вдвоём? Блиненков скрывается в дальнем углу тока, и вскоре отгула выкатывается зеленоватая машина на небольших резиновых колёсиках. Это зернопогрузчик.

Хорошую машину приобрело нынче правление колхоза, не один десяток подсобных рабочих заменяет она. Иван Дмитриевич вспоминает прошлое лето. Дожди тогда перепали чаще. Зерно на ток поступало влажное — того и гляди, загорится в буртах. День и ночь приходилось его ворошить, перекидывать лопатами с места на место. На току было людно. А теперь вот управляются двое.

Вскоре ворох овса был придвинут вплотную к сушилкам. Иван Дмитриевич заправил в него транспортёр, и зерно потекло в сушильные барабаны. Петухов снова глянул на термометры. Столбик ртути, похоже, падает. Надо подложить в топку дров.

У второй сушилки ртутный столбик, наоборот, устремился вверх. Температура поднялась. Надо её сбавить. Иван Дмитриевич приоткрыл заслонку, увеличив доступ свежего воздуха.

Между тем наступила глубокая ночь. Мягкий призрачный свет залил и уснувшие поля, и затихшие деревни. Ничего этого не видит Иван Дмитриевич, занятый возле сушилок. Он ни на минуту от них не отлучается — дрова и те с вечера припас на всю смену. Ходит у машины, посматривает на термометры. Хозяйству нужны добротные семена...

Домой, в Воронкино, он возвращался, когда солнце поднялось над горизонтом, успев осушить росу на траве и прогнать с низин клочья белого тумана. Иван Дмитриевич свернул с дороги на поле, где трудились комбайнёры. Ступая по колкой стерне, подошёл к копёнке соломы. Поворотил её, выбрал несколько колосков, растёр их в своих жёстких ладонях. Однако ни одного зёрнышка не выкатилось к нему на ладонь — чисто работают комбайнёры.

...И вот снова знакомый переулочек. Сейчас Петухов придёт в свою просторную чистую горницу, скинет у порога запыханные сапоги. А на столе его уже ждёт самовар.

Когда Иван Дмитриевич выспится, придут, конечно, внуки — Игорёк и Витенька. Перебивая друг друга, напомнят ему про вчерашнее обещание, и они пойдут за деревню, к конюшне, там он будет учить их запрягать лошадей. А потом поедут троём мимо всех этих построек, воздвигнутых его руками, мимо полей, где работают комбайны, убирая хлеб, выращенный из зёрен, что сберёт он.

(Колхоз имени Мичурина, Переславского района.)